

Мей Лин будит меня, когда мы прибываем в пункт нашего назначения - возвышенную каменную сцену, простую, окружённую местами, словно стадион. Люди постоянно приходят и уходят, наблюдая за трудом, кажется, они в хорошем настроении, смеясь и глумясь, но я слишком низко, чтобы видеть, что происходит. Аканаи стоит со стороны сцены, выпрямив спину, сложив руки за спину. Токта аккуратно вытаскивает меня из рикши и несёт к ней. Когда мы приближаемся, она прыгает на сцену и сходит с неё, не говоря ни слова, а Токта аккуратно следует за ней, почти плывя, он нисколько меня не беспокоит. Как он это делал? Когда я его спрашиваю, он не обращает на это внимания.

Когда мы приближаемся, я вижу, над чем все смеются. Посреди сцены стоит высокая одиночная колонна. А к ней привязан еле узнаваемый кусок плоти человеческой формы. Если бы не цепи, он бы даже не смотрел прямо, весь его вес - на удобно расположенных подержках. Рот движется, но слова не выходят. С его груди содрали кожу, плоть - красная и губчатая, обнажена так, чтобы все могли видеть, живот разрезан, внутренности свисают. Это... Его член и яйца вырезали на виду у всех. Я смотрю в его глаза, которые смотрят в ответ, не моргая, потому что веки вырезали.

Из-за всего этого урона и пыток каждой вздох, должно быть, приносит новую боль.

Токта аккуратно опускает меня, поддерживая слева. Я осторожно опускаю ногу, и её пронзает боль, но я выношу её. По сравнению с тем, на что я смотрю, она ничего не значит. Все его пальцы сломаны, ногти вырваны, мои руки сжимаются от сочувствия этой боли. Я ковыляю вперёд, а Аканаи меня поддерживает, кивнув Токте, который оставляет нас наедине, стоя перед этим ужасным зрелищем. Не знаю, сколько я стоял здесь, уставившись на искалеченную оболочку человека. В голове я слышу, как кричит голос, но мои мысли слишком отстранены. Это человек. А это его внутренности.

Наконец, что-то щёлкает, и я узнаю того, на кого смотрю.

- Здравствуй, Рен.

Говорю я приглушённым голосом.

- Полагаю, я должен был убить тебя при нашей первой встрече или при второй. По крайней мере, я бы избавил тебя от всего этого.

Он не отвечает. Я его не виню. Думаю, кто-то вырезал ему язык. Поворачиваясь к Аканаи, я спрашиваю.

- Почему ты привела меня сюда?

Это ужасно. Мне не нужно этого видеть. Я чувствую, что дрожу от её хватки.

- Чтобы увидеть, что случилось с тем, кто обманул тебя. Он приказал своей охране разбросать вокруг тебя смесь из сгнивших яиц карнугаторов и некоторых других ингредиентов. Это разозлило аллигаторов, которые нападали на вашу группу, они думали, что защищают свои гнёзда от воров. Вот его наказание.

Она до сих пор смотрела на меня. Чего она хочет? Я замечаю свой меч под её рукой и беру его, прижимая к груди.

- Я пошла и вернула его для тебя.

Прижимая его к груди, я благодарно киваю. Благодаря ему, я чувствую себя более безопасно.

Я смотрю на Рена, который смотрит в пустоту, ничего не слыша и не видя, но всё...чувствуя. Его грудь содрогается, от, я полагаю, рыданий, но слёз нет. Невозможно ненавидеть его в таком состоянии. Как он вообще до сих пор находится в сознании? Или боль настолько велика, что он не может от неё спастись, даже во сне? Я говорю вслух, в основном лишь для того, чтобы услышать свои мысли.

- Знаешь тех двух бандитов, которых я убил? С тех пор я с трудом сплю. Меня не волновал первый парень, которого я убил, но те два? Я переживал насчёт того, остался ли у них кто-нибудь: любимая, ребёнок, супруга, родитель. Я чувствовал ответственность за их горе.

Аканаи ничего не говорит, поэтому я продолжаю.

- Я не убил Тяна Йи по той же причине. Я сделал это специально. Я мог бы проткнуть его сердце. Но он только потерял сына. Между нами не было ненависти, по крайней мере, не было у меня.

Я чувствую, как по моему лицу текут слезы. Я неловко применяю Мир.

- Теперь он снова потеряет. Из-за этого я тоже потеряю сон, но по другим причинам.

Я ударяю Рена в сердце, опираясь весом на оружие, всаживая его глубоко, смотря в его глаза, пока тот умирает. Никто не заслуживает такого. Я не вижу ни мира, ни облегчения, просто...смерть. Последнее содрогание лёгких, и всё, что осталось, - это мясо и кости. Удачи в следующий жизни, Рен. Удивительно, во что может перетечь обыкновенная стычка из-за плохих манер. Я падаю на Аканаи, мои ноги – словно желе, я потратил всю свою силу и решительность. Кричит слуга, зовя охрану, которая приходит, но колеблется, просто окружив нас, кажется, не зная, что делать. Аканаи сажает меня на землю, усаживаясь за мной, подпирая меня своей ногой. Она даёт мне кувшин алкоголя, но я просто держу его в руках. Не хочу сейчас пить.

- Пей, потому что счастлив.

Так ведь? Мы сидим в тишине, охрана наблюдает за нами, ожидая.

Толпа начинает кричать, глумиться и бросать мусор на сцену. Чёртовы животные. К счастью, охрана берёт удар на себя. Простите, ребята. Я, извиняясь, киваю охране, но от слёз я не могу увидеть их реакцию. Пока я плачу, Аканаи просто сидит здесь, молчаливо поддерживая. Когда я прекращаю сопеть, Аканаи прерывает тишину.

- Я рада, что ты убил его. Наказания Империи мне противны. Лучше чисто убить.

- Что ты думала я сделаю?

- Я волновалась, что ты будешь наслаждаться его мучениями или добавишь их. Тебя...иногда трудно понять.

На это особо нечего ответить. Я кажусь таким человеком? Или это то, чего она ожидает от нормального человека? Там стоят люди, которые буквально в ярости оттого, что Рен мёртв и больше не страдает. Как они могут наслаждаться этим зрелищем, оправдывать своё удовольствие? Что в их головах, когда они видят человека, испытывающего столько боли? Она думала яотреагирую так же, хлопая в ладоши от ликования, смеясь над этой пыткой? Нет. Не я. Я никогда не буду таким.

Я буду делать то, что должен, чтобы выжить. Я буду сражаться и убивать любого, кто угрожает мне или людям, которые мне небезразличны, но я никогда не позволю себе наслаждаться убийством. Сражение, насилие, адреналин. Признаюсь, я наслаждаюсь этим. Но когда всё заканчивается, всё это рушится. Смерть – это ответственность, а не развлечение, которым нужно наслаждаться. Я не стану беспокоиться о том, как изменить людей, и я не позволю им изменить себя.

Я буду жить и умирать с мечом. Я буду адаптироваться, чтобы лучше уживаться в этом мире, но я буду придерживаться своих убеждений. Милость не значит слабость, а сострадание и сочувствие – не недостатки. Я не позволю себе думать иначе. Я таков. Таким я буду. Это та дорога, которой я буду придерживаться. Утирая лицо рукавом, я укладываю подбородок на колени. Я весь заплакан, измотан и голоден. Я просто хочу пойти домой. Где люди добрые и любящие.

Магистрат прибывает прямо перед тем, как я снова засыпаю. Он отпускает охранников, которые уходят на свои посты.

- Могу я спросить, что здесь произошло, Глашатай?

Он вежлив, но я вижу, что он недоволен.

Вмешиваясь прежде, чем Аканай успевает ответить, я говорю.

- Я убил его.

Я поднял руку, будто я снова ученик.

Магистрат глубоко вздыхает.

- Зачем?

Он едва сдерживает злость по отношению ко мне.

Чувствуя себя глупцом, я опускаю руку, пожимая плечами. Мне нужно перестать пожимать плечами – это очень больно.

- Какой цели служат его страдания? Не нужно этого. Он совершил преступление и заплатил за него.

Мне уже абсолютно всё равно и, к тому же, я не думаю, что Аканай позволит ему убить меня.

- Цель – запугать остальных, которые сделают то же самое.

Он сердится на меня, но не от неприязни, а от раздражения.

- Начнём с того, что если бы наказаний было достаточно для того, чтобы запугать преступников, преступлений бы не было. Прошу прощения, если я не имел права этого делать, и я приму все последствия. Я бы не пожелал так страдать своему худшему врагу. Просто убить и всё.

Он немного шокирован этим, какое-то время он меня внимательно изучает. Мне немного надоело то, что на меня смотрят. Наконец, спустя долгую минуту, он выдыхает и говорит.

- Ты странный молодой человек. Кажется, ты наслаждаешься насилием, но ненавидишь смерть.

С каких пор я «наслаждаюсь» насилием?

- Ты смеешься и пьёшь, охотишься и дерёшься, поступая так, как считаешь правильным, настоящий сын Народа.

Он смеётся.

- Если бы у меня была дочь, я бы сразу отдал её тебе в жёны. Хороший молодой человек. Я ожидаю от тебя величия, всегда добро пожаловать в мой город, Рэйн из Народа. Я не буду держать это против тебя.

Он поворачивается и уходит. Как...добро с его стороны, полагаю?

Аканаи аккуратно меня поднимает и направляется к рикше.

- Маленький Хай – хороший судья людям и хороший человек. Я волновалась, что он сошлёт тебя отсюда или прикажет отхлестать. Ты принёс ему не мало неудобств. В самом деле, ты приносишь многовато бед.

Я посмеиваюсь. Какое преуменьшение. Но хэй, думаю, это было лучшее, что она обо мне говорила, даже если это было косвенно, соглашаясь с чужими словами. Маленькие шаги. Мы возвращаемся в виллу, и после лёгкого обеда я лежу в кровати, думаю о времени, проведённом в городе. Мне, правда, нужно было просто остаться в деревне. Это не стоит всех бед. Как и ожидалось, кошмары преследуют меня, когда я пытаюсь спать. Не моргающие глаза присоединяются к другим, безжизненно смотря на меня.

Со временем они исчезнут.

Я надеюсь.

Фунг навел на меня прежде, чем я покинул город, и мы пообещали друг другу оставаться на связи. Почта со скоростью улитки, но это лучше, чем ничего. Он выглядел...уставшим. Я бы не чувствовал себя намного лучше, если бы из-за того, что я захотел поохотиться, умерло 20 охранников. Он хороший мужчина в плане заботы, особенно беря во внимание поведение, которое здесь считается нормальным. Я не спрашивал о семьях страж, потому что знал, что ответ мне не понравится. Он поспешил уйти, когда я пытался найти Мей Лин, чтобы он мог попрощаться, весь встревоженный и испуганный. Застенчивый парень. В какой-то степени это прелестно. Ах, Молодая Любовь. Когда-нибудь я хочу её испытать.

Дорога обратно была гораздо легче, всю её я провёл в вагоне Тадука с присматривающей за мной Мей Лин, в основном мы играли в какую-то странную версию шахмат, которую я купил Тадуку. Хотя в этот раз – никаких бандитов, возможно из-за того, что говорили об Аканаи. Я провёл много времени, тренируясь, стараясь укрепить свои заново выращенные ткани. Новым нервам нужно приспособиться после того, как они вырастают, а пока они это делают, всё пылает огнём от малейших причин. Я был не лучшим окружением, но Мей Лин была терпелива ко мне. Сумила часто навещала, иногда проводя в вагоне весь день. Она продолжала отказывать мне, когда я спрашивал о том, как прорываться через аллигаторов, как она, сказав спросить у Баатара. Жадина. Думаю, она – мой новый соперник, или, по крайней мере, цель. Я так отстаю от неё, что называть нас соперниками было бы оскорблением.

Когда я увидел деревню Забу, у меня перехватило дыхание, она выглядит даже лучше, чем

когда я увидел её впервые, положив на неё глаз. Дом. Безопасный мирный дом. Теперь я знаю, почему Тадук живёт здесь. Никаких высокомерных дворян, никаких жалких трущоб, никаких пыточных выставок, и никаких чёртовых карнугаторов. Здесь Рай на Земле. К тому же, я правда думаю, что ему нравится жить на участке.

После нескольких дней отдыха в кровати Аканай послала Стража на мои поиски. Сейчас я сижу на подушке в верхней комнате здания, называемого барабанной башней. Это огромное многоуровневое здание в якобы центре деревни. Каждый его уровень постепенно становится меньше низшего. Я видел его раньше. Это одно из наиболее притягивающих взгляд зданий с резными сценами на наружных стенах по всему зданию. В основном они изображают борьбу: некоторые – дуэли, другие – столкновения армий. Стиль искусства меняется от сцены к сцене, а их слишком много, чтобы считать. Аканай сидит напротив меня, пьёт чай, скрестив ноги. Я вожусь со своей чашкой, пока жду, чтобы она остыла, чтобы я мог пить, смотря на различные оружия, которыми украшена комната, в то время как Аканай просто смотрит. Все просто любят смотреть. Это нервнует.

- Я, Аканай, Главный Провост, официально приглашаю тебя присоединиться к Стражам.

Она внезапно говорит, не предупреждая, немного удивляя меня, я проливаю чай на свою руку.

Я обдумываю её слова, маша рукой, пытаюсь остудить ожог. Это не то, чего я ожидал.

- Эм, честно, я всё ещё не знаю точно, что делают Стражи.

Я абсолютно уверен, что не хочу работать на Аканай. Это кажется кошмаром.

Она смеётся, мотая головой.

- Конечно, ты не знаешь. Иногда кажется, что ты знаешь так мало. Стражи ответственны за защиту деревни и её обитателей. В общем, мы обыскиваем окрестности, охотимся для мяса, совершаем патрули – всё такое. Всё от сопровождения жителей деревни или мастеров в поисках принадлежностей до поддержания мира в деревне – это задания, выполняемые Стражами.

Так полиция, разведка, народное ополчение и телохранители – всё слито в одно.

- В чём разница между Стражами и Компанией?

- Стража защищает, Компания охотится. Компания делает то, что нужно сделать, и они несут это бремя так, чтобы другим не приходилось. Твоё будущее – не на стороне Баатара, парень. Ты не подходишь для Компании таким, какой ты сейчас.

Она не говорит неуважительно или пренебрежительно. Больше с грустью. Хотя я думаю, что она права. Она напориста и упряма, но почти всегда права. Почти.

- В чём будут заключаться мои особые обязанности?

Она пожимает плечами, опираясь на свою руку, занимая более расслабленную позу.

- Это зависит от твоих талантов. Ты скудно проявил себя в качестве охранника, это я могу сказать.

Она смеётся, и я улыбаюсь вместе с ней. Она снова права. Мне нравится такая Аканай, более прямая, желающая установить диалог вместо того, чтобы просто выкрикивать мои ошибки.

- Ты можешь продолжать учиться с Тадуком и Баатаром, но Токта также будет тренировать тебя для должности Стража. Базу ты знаешь, но есть ещё много всего, что тебе нужно выучить. Это не займёт много твоего времени. Каждый раз по неделе или две в течение года или пары лет. Все назначения - по желанию. Ты можешь выбрать то, чем хочешь заниматься.

Она останавливается, внимательно наблюдая за мной.

- Тебе будут платить жалованье.

Я смеюсь над этим, подавившись чаем. По какой-то причине, она думает, что я люблю деньги. Ну, мне нравятся деньги и тот комфорт, который они приносят. Она продолжает, игнорируя мой смех.

- Ты можешь быть стражем и оставаться в деревне. Также я забыла упомянуть, что если ты будешь усиленно работать и достаточно достигнешь, мы поможем тебе в создании Духовного Оружия. Мой муж говорил мне, что ты хотел ещё одно.

Она хмурится.

- Я не позволю щенку испортить тебя. Ты должен заработать себе следующее. Лучше начать сейчас и работать на это.

Чёрт. Клянусь, они знают, как читать мысли, но держат это от меня в секрете.

- Почему ты так настаиваешь, чтобы я принял эту работу?

Она смотрит на меня, что-то решая.

- Ты подходишь для неё, заботливый защитник. Ты мгновенно пожертвовал собой ради моей дочери и Лин. У тебя свои собственные нравы, и несмотря на то, что они отличаются от моих, я их уважаю. Ты хочешь стать сильным, а эта работа поможет тебе, сталкивая тебя с товарищами, ресурсами и препятствиями, которые необходимо преодолеть. Если ты останешься в своей деревне, учась самостоятельно, ты никогда не будешь сильным. Присоединяйся к Стражам, стань кадетом.

Она снова останавливается.

- Что более важно, тебе это необходимо. Мне кажется, ты станешь бродягой, если я оставлю тебя наедине с твоими собственными средствами, особенно из-за твоих кошмаров и, конечно, твоей любви к выпивке и женщинам с плохой репутацией.

Ой. Это резко. Я не пью так много. И какой мужчина не любит женщин с «плохой репутацией»? Я продолжаю задавать вопросы, а она терпеливо на них отвечает, пока мы пьём чай. На самом деле, звучит не так уж и плохо. Немного дополнительных тренировок каждый месяц. В любом случае я это делаю. Мне больше платят с тех пор, как я тренируюсь, чтобы быть лекарем, и меня не заставляют делать то, чего я не хочу. Я могу приниматься за любые миссии.

Охотник. Кормилец. Защитник. Это то, кем я хотел быть, и сейчас Аканай предлагает мне эту самую работу. Я могу отплатить деревне, которая укрывала меня все эти годы, сделать что-нибудь для них. Конечно, если случится вторжение, мне придётся сражаться, но, скорее всего, мне всё равно придётся это делать, если такое случится. Честно, наиболее убедительное из всего, что она говорила, это то, что она думает, что я подхожу для этого. Я уважаю её силу и суждения, если не все её мнения.

Я протягиваю ей руку для рукопожатия.

- Тогда я принимаю.

Она улыбается, на этот раз дружелюбно, но, кажется, не знает, что делать, и легко хватает мои пальцы. Полагаю, здесь они не жмут руки. Неловко.

Я Рэйн, Страж народа.

Звучит хорошо.